

Равочкин Н.Н.,
доктор философских наук
доцент кафедры истории, философии и социальных наук,
Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева,
доцент кафедры педагогических технологий,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

Значение когнитивных установок и ценностных ориентаций в процессах интерпретации и реализации социальных идей

В статье рассмотрено значение когнитивных установок и ценностных ориентаций в процессах интерпретации и практического воплощения социальных идей. Показано, как ценности акторов преобразований неизбежно маркируют воспринимаемое ими содержание социальных идей в зависимости от персональных значимостей и интересов. Выявлено, что не всегда на практике воплощаются именно те идеи, которые действительно важны для конкретного социума. Обосновано, что когнитивные установки определяют понимание субъектами социальных преобразований первоначальные смыслы и их последующую практическую реализацию. В заключение обобщаются основные результаты и намечаются направления будущих исследований.

Ключевые слова: идеи, ценности, когнитивные установки, общество, актор.

Ravochkin N.N.,
doctor of philosophical science
Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social
Sciences,
Kuzbass State Technical University
named after T.F. Gorbachev,
Associate Professor of the Department of Pedagogical Technologies,
Kuzbass State Agricultural Academy

Role of cognitive attitudes and value orientations in the processes of interpretation and implementation of social ideas

The article examines the importance of cognitive attitudes and value orientations in the processes of interpretation and practical implementation of social ideas. It is shown how the values of the actors of transformations inevitably mark the content of social ideas perceived by them, depending on personal values and interests. It was revealed that the ideas that are really important for a particular society are not always implemented in practice. It has been substantiated that

cognitive attitudes determine the understanding by the subjects of social transformations of the initial meanings and their subsequent practical implementation. In conclusion, the main results are summarized and directions for future research are outlined.

Keywords: *ideas, values, cognitive attitudes, society, actor.*

Проблема практического воплощения идей в их социальном приложении приобрела свою значимость относительно недавно и сопряжена с произошедшим идеационным поворотом. Любопытно, что вскрытая нами детерминационная и объяснительная роль идей достаточно долгое время оставалась вне внимания философии, которой, в отличие от дисциплинарных областей знания, так и не удалось объединить исследователей и выработать фундаментальный корпус работ. Ранее мы отмечали, что проблема отклонения идей от первоначального замысла и их содержательные трансформации связаны с контекстуальными особенностями социального пространства их имплементации, неизбежным созданием акторами преобразований конфигураций и модификаций ментальных конструкторов, а также особенностями языка, влияющего на интерпретации и последующее практическое воплощение [Равочкин, 2021]. Однако принимая во внимание тот факт, что на интерпретации содержания социальных идей может влиять не только язык, в настоящей работе мы обратимся к анализу значения когнитивных установок и ценностных ориентаций субъектов, занимающихся интерпретацией интеллектуальных конструкторов.

Известно, что когнитивные установки и ценностные ориентации определяют систему мировоззрения субъекта, описывая его взгляды на мир и занимаемое им положение. Можно сказать, что познавательный и ценностный бэкграунд определяет и специфику осуществляемой человеком деятельности, конституируя его потенциал по преобразованию окружающей действительности. Примечательно, что посредством операционализации ключевых понятий и контекста в каждом виде деятельности так или иначе можно увидеть когнитивные и ценностные основания реализации идей, которые пусть и в распыленном виде, но могут быть отражать свою содержательную часть. Например, осуществляемый конкретным человеком повседневный выбор, который не представляет никакой значимости для окружающих, но только для самого субъекта, может быть укоренен одновременно в нескольких этических концепциях. На другом полюсе может быть проводимая властными акторами политика государственного строительства, когда риторика и практические действия по внедрению вполне отчетливо понимаемых идейных синтезов существенно отходят от успешного опыта других стран и обманывают ценностные экспектации населения, напрямую заинтересованного в артикулируемых преобразованиях. Отсюда справедливо утверждать, что в рамках нашей работы познавательные процессы и ценностные предпочтения индивидов в своей взаимосвязи могут

трактоваться как векторы развития идей и соответствующих социальных преобразований.

Начнем наши рассуждения с указания на тот факт, что обоснование утверждений о ценности как навигатора выбора заложенных в идеи ключевых и конгруэнтных тому или иному обществу смыслов для последующей имплементации в социальной действительности позволяет адаптировать их к господствующей в пространстве аксиологии с позиции интеллектуалов, субъектов осуществления преобразований и властных акторов. В самом деле, индивид, способный успешно адаптироваться к актуальным контекстуальным условиям, обладает инструментами для изменения общественной структуры для получения максимального выигрыша, позволяющего ему реализовать свои устремления – и именно ценностные модусы играют едва ли не определяющую роль в определении ориентиров его практических действий, фундированных определенными интеллектуальными конструктами. Таким образом, данные процедуры и действия перечисленных участников можно свести к ценностному сознанию, которое в глобальном смысле регламентирует человеческое существование и детерминирует социальные перемены. В этом наши теоретизирования созвучны с позицией В.П. Щербаковой, определяющей ценностное сознание именно как «индикатор социальных перемен» за счет предоставления субъектам функций по оценке происходящих социальных перемен и возможностей оказывать влияние на разворачивающиеся в конкретном пространстве процессы в соответствии с имеющимися интересами, представлениями, убеждениям и ожиданиями [Щербакова, 2013].

Отдельно следует отметить, что ценностные ориентации можно рассматривать в качестве особого рода фактора, схватывающего и отражающего на когнитивном уровне специфику запланированных и осуществляемых социальных преобразований, что формирует различные оценочные картины наличной реальности у представителей тех или иных групп и общностей. Резонно полагать, что субъекты, относящиеся к определенным социальным группам, никогда не будут воспринимать и тем более оценивать трансформации одинаковым образом, хотя бы по причине отсутствия равных ресурсов по поводу влияния на эти изменения. Добавим также, что именно ценности выступают «строительными лесами» при формировании идей в интеллектуальных сетях, которые впоследствии через определенную траекторию реализуются в социуме, воплощаясь в самых разнообразных формах.

По нашему мнению, наиболее полезными в теоретико-методологическом плане концепциями, играющими значимую роль для раскрытия «ценностной части» заявленной темы, являются синергетическая теория и структурный функционализм Р. Мертона. Так, в рамках последнего утверждается, что функция, представляющая собой прием официального характера, выражает способности и возможности субъектов реализовывать свои ресурсы для достижения поставленных целей и реализации желаемых

задач. Любопытно, что «функция» трактуется Мертоном весьма расширительно, поскольку при совершении какого-либо предусмотренного действия включает в себя не только его участника, но и наблюдателя [Мертон, 2006]. В представленной логике учитываются не только объективные функции, которые выполняются вне зависимости от существования человека и проранжированных им приоритетов, но также его субъективные мотивы, будь то поведение активного участника и/или пассивного наблюдателя – все это в значительной степени может детерминировать теорию и практику социальных действий и реализацию возникающих перед обществом задач.

Выделим наиболее значимые положения структурного функционализма. В частности, необходимо отметить критическое отношение Мертона к обобщенному тезису, что «унифицированная деятельность и/или составные части культуры обязательно будут функциональны для всей социальной системы» [Мертон, 2006]. Мы видим, что такая позиция американского исследователя предполагает наличие некоторой совокупности ценностных оснований социокультурной действительности, детерминирующих функционирование различных институтов и структур содержащимися, воспринятыми и реализованными на практике идеальными конструктами. Однако заметно, что такие важные параметры, как степень интегрированности социальных групп и уникальность контекстуальных реалий никогда не будет одинаковой, поэтому и приоритеты акторов и субъектов разнятся на основании динамики значимостей. Нельзя не отметить и выделяемые Мертоном свойства, укорененные в биологической природе живых существ, в популяциях которых потеря отдельных признаков не повлечет за собой немедленную гибель сообщества. Отсюда логичен вывод, что функционирование социума не всегда напрямую связано с наличием или отсутствием свойств, обладающих исключительной ценностью.

Руководство этим тезисом важно, поскольку практическая имплементация социальных идей далеко не всегда определяется универсальной природой ценности. Следовательно, в некоторых обществах акторы и субъекты преобразований присваивают ранги возникающим перед ними вызовам исходя не из объективных потребностей, а собственных представлений, что в последующем сказывается на имплементации в социуме не самых эффективных идей. В подтверждение можно привести пример о сравнении прав и свобод женщин в условиях европейского пространства и государства Афганистан. Так, для европейского сообщества права и свободы женского населения с середины прошлого столетия представляются самоочевидными и неотъемлемыми, поскольку выражают и закрепляют принцип равноправия, множество раз озвученный теоретиками либерально-демократических идей. Именно такие базовые ценности преподносятся интеллектуалами в качестве основания европейской идентичности. Одновременно с этим аксиосфера афганского общества, хоть и включает в себя утверждения о значимости гендерного равенства, тем не менее, на практике они выглядят чуждыми для этого социума и обладают однозначно

навязанным характером. По сути, как резонно отмечает О.Н. Новикова, формирование формальных оснований для гендерного равноправия среди афганцев напрямую связано с присутствием международных организаций в государстве: «Ситуация с правами женщин в Афганистане отслеживается Советом Безопасности, Генеральной Ассамблеей, комиссиями и экспертными группами Экономического и Социального Совета, в особенности – Комиссией по правам человека, Подкомиссией по поощрению и защите прав человека, Комиссией по положению женщин» [Новикова, 2015:184]. Однако напомним про тенденцию к так называемому «гендерному маятнику», связанному с периодами ограничения женщин в правах. Именно такой период мы можем наблюдать в Афганистане сегодня. Это связывается не только с выходом из страны американского военного контингента, но также неустоявшимся характером и амбивалентными (чаще критическими) оценками данных ценностей в массовом сознании и, конечно же, отсутствием контроля за разворачивающимися социальными процессами со стороны Североатлантического союза и европейских организаций.

Приведенные факты подтверждают нашу гипотезу о том, что ценностные основания одного общества не могут быть применены в другом и обеспечить идентичный успех и желаемую эволюционную магистраль социального развития. Культурально маркированные ценности влияют на интерпретацию смыслов, тем более навязанных, что если и создало учреждение какого-либо института, то, скорее всего, сделало его лишь видимым или же фасадным. Действительно, многолетнее руководство базовыми ценностями акторами афганского государства прорисовало вполне определенные и прогнозируемые тенденции по отказу от либерально-демократической системы норм и ценностей и возврату к сложившимся практикам и приоритетам религиозного и традиционного общества и принципам шариата, даже невзирая на включенность в глоболизирующийся мир и современные международные отношения [Равочкин, 2021].

Другим значимым положением теории Р. Мертона становится утверждение о том, что «все социальные или культурные элементы выполняют социологические функции» [Мертон, 2006:113]. Здесь имеется в виду, что представленные части социальной системы как формы активности человека несут в себе некоторую положительную ценность. Это можно объяснить тем, что все создаваемое человеком в социуме априори маркируется целесообразностью, индивидуально или же вовсе публично маркированной, значит, предполагается приписывание этим объектам тех или иных полезных функций. Однако на практике такое понимание может оказаться неэффективным, поскольку в различных концепциях признается наличие так называемых «отрицательных ценностей». Сюда традиционно относятся категории «безобразного», «деструктивного», «зла» и так далее. По мнению Т.В. Погудиной, первая из них является отрицательной ценностью, одновременно умножающей практическое воплощение других аналогичных конструктов, следовательно, «безобразное» выступает в качестве надстройки

над ними: «Если категория красоты тесно связана с понятием совершенства, то безобразное как понятие противоположное – с категорией несовершенства» [Погудина, 2017:128]. Погудина также отмечает, что У. Эко репрезентирует существование трех версий безобразного: (1) безобразное-в-себе (разлагающаяся падаль); (2) формально безобразное (нарушение равновесия между частями целого); (3) художественное безобразное («плохое», или «некачественное» изображение) [Погудина, 2019].

Такое понимание несомненно позволяет актерам и субъектам преобразований выявлять приоритеты, причем характерно, что инструментальными здесь оказываются эстетические ценности. Не углубляясь далее в эстетические аспекты, отметим лишь, что приверженность ценностям прекрасного позволяет реализовывать на практике эффективно функционирующие социальные структуры, позволяя, например, избегать дублирования выполняемых функций и в целом через артикулирование и имплементации идей конструировать в массовом сознании позитивный образ будущего.

Апелляция к эстетическому также имеет огромную идеологическую и коммуникационную значимость, поэтому использование данных ресурсов может привести к формированию определенных форм восприятия актуальной социальной среды и способов и путей ее преобразования [Куделина, 2017]. Ценность управления обществом и государством заложена так или иначе всегда коррелирует с искусством, поэтому преобразование целей и задач политических взаимодействия и выстраивание логики социальных процессов детерминированы в том числе и ревизией актуальных ресурсов эстетического воздействия на человека.

Сегодня можно отчетливо увидеть, как «торжество безобразного» в приводит к формированию тотальной зависимости социального бытия от технических средств [Рева, Цергой, 2018]. Возвышение ценности технического позволяет увидеть в явном виде те смыслы, которые сформулированы в идеях биополитики М. Фуко, Дж. Агамбена и других интеллектуалов современности. На практике это приводит к смешению и даже некоторой унифицированности образов «прекрасного» и «безобразного», что дает актерам и субъектам преобразований мощный арсенал манипулятивных средств по формированию в социуме значимых для них образов целесообразного. Значимыми коннотациями, которые обретают классические социальные идеи, буквально становится упаковка, имеющая отношение к высокому уровню – «регион», «мир», «вселенная»: чем глобальнее обозначаемый масштаб, тем внушительнее и убедительнее выглядят идеи предлагаемых преобразований. В итоге можно говорить о том, что представленная трансформация ценностей влечет за собой формирование новых ментальных конструкторов, имплементация которых позволяет реализовать на практике настоящие повороты в общественной жизни и практиках его отдельных сфер, задавая новые паттерны интеракции.

Третий постулат функциональной концепции Р. Мертонa выражен в утверждении об обязательном характере всех социокультурных элементов [Мертон, 2006:113]. Критический анализ этого тезиса позволяет говорить о том, что в обществе существуют определенные основания, в частности, это институты и нормы, которые детерминируют эффективность функционирования социума как организации и целостного образования. Сторонники юридического позитивизма, в первую очередь Г. Харт и Дж. Остин, однозначно бы определили такие институты как аскриптивные, как принуждающие и регулирующие взаимоотношения людей в целях поддержания стабильной социальной среды. Вместе с тем значимость рассматриваемых структур заключается именно в их витальной необходимости для общества. Однако из мертоновской логики следует, что функции неработающих или неэффективно работающих социальных структур закономерно распределить на другие установления. Ревизия, позволяющая избежать дублирования или же реализовать разгрузку выполняемых социальными структурами функций, открывает перед обществом возможности обеспечить некоторый запас прочности и гибкости в случае наступления непредвиденных условий и по инерции сохранять достигнутый им уровень развития, правда, в реалиях настоящего, в весьма краткосрочной перспективе [Равочкин, 2021]. Таким образом, ценность функциональной гибкости позволяет интерпретировать идеи таким образом, чтобы социальные структуры были нацелены на максимальную эффективность, а акторы и субъекты исходили бы в первую очередь из прагматики данных установлений.

Ответом интеллектуалов современности с учетом технического перевооружения общество становится идеи, предлагающие осуществить виртуализацию ряда социальных структур: (1) замещение реальности образами и символами (Ж. Бодрийяр); (2) создание альтернативного социального пространства (Г. Бехманн); (3) утверждение и переход к новым формам коммуникации (А.П. Моисеев). В рамках всех трех форм ремоделирования социальных структур отчетливо видна ценность минимизации транзакционных издержек их функционирования и оптимального распределения ресурсов. Одним из направлений, повышающим скорость взаимодействий, является отказ от бумажных денег в пользу электронных платежных средств. Причем речь идет об изменении формы подачи денежных средств, но вовсе не о подмене бумажного формата виртуальными аналогами [Межевникова, Ухина, 2020]. Регулярно появляющиеся идеи новых форм обмена не только вплетают в социальную ткань качественно иные структуры, но и позволяют реализовывать необходимые в условиях сегодняшних реалий удаленные способы ресурсного обмена.

Итак, можно сделать промежуточный вывод о том, что ценностные основания в виде совокупности значимостей и приоритетов существования субъектов становится важным условием при интерпретации содержания идей и их последующей имплементации посредством осуществления

преобразований и формирования новых элементов социальной реальности. Интерпретация идеи всегда сопряжена с ценностными ориентациями акторов или же субъектов преобразований, зачастую трансформируя исходные смыслы в зависимости от их интересов и ожиданий. По сути, идеи сами предлагают некий совершенный (по мнению их создателей) гносеологический замысел, но именно ценности прочерчивают траекторию ее воплощения на практике, понимание которой априори не может избежать преследуемых участниками интересов [Равочкин, 2021]. Выходит, значение ценностей заключается в их возможностях помещать желаемый социальный образ в контекст, а также оказывать мощное влияние на искажение смыслов, вследствие чего эффективность одних и тех же идей преломляется не только о контекст, в котором они воплощаются практически, но и изначально об аксиологические модусы.

Перейдем к анализу когнитивных установок, которые также оказывают существенное влияние на интерпретацию ментальных конструктов и их последующее социальное приращение. Известно, в последнее время в науке произошел настоящий «когнитивный» бум, о свидетельствует резкое увеличения количества работ, посвященных изучению различных аспектов познавательной деятельности человека. Тем не менее, специфической чертой большинства публикаций является их психологическая направленность. Особенности когнитивных особенностей человека напрямую связаны социализацией и многочисленными когнитивными парами («индивид – мир», «индивид – группа», «индивид – деятельность»), позволяющих детально изучить познавательные способности на самых различных уровнях и срезах [Иванова, 2014:15]. Теоретико-прикладной аспект исследования когнитивных особенностей человека представлен Л.И. Анцыферовой, предлагающей рассматривать познавательную деятельность в качестве «ведущей», ведь ее роль состоит в том, «что именно она открывает человеку пути к включению в новые сферы жизни общества, вводит его в новые социальные структуры и позволяет устанавливать новые все более богатые социальные связи» [Анцыферова, 2004:50]. Значимость «динамической» трактовки сложно переоценить, поскольку для акторов и субъектов преобразований чрезвычайно важно формировать и в течение жизни обновлять набор(ы) когнитивных установок, что позволило бы им более эффективно реализовывать интеллектуальные конструкты, нежели руководствоваться абстрактной «абсолютной рациональностью».

Итак, когнитивные способности развиваются в соответствии с определенными механизмами, отражающих некоторое соответствие эффективности активности индивидов их социальным группам и реализуемым в обществе функциям. В самом деле, для представителей тех или иных групп имеются вполне определенные цели и задачи, которые не только трансформируются по мере общественного развития, но и в целом отражают специфику когнитивных возможностей, свойственных различным субъектам [Шебанов, 2020]. Если индивид имеет наработанные и сформированные

когнитивные установки, позволяющие ему интегрироваться в сеть интеллектуалов, то они могут стать «материальным» основанием для участия в производстве идей как теоретических конструктов, предназначенных для реализации в социальных преобразованиях, поскольку, напомним, великие по своему общественному значению идеи возможны не только в философии. Так, достаточный уровень развитости теоретического мышления в сфере политики, по мнению Г.В. Пушкаревой, позволяет субъектам формировать собственные политические представления, что в конечном счете приводит к генезису ментальных конструктов как совместно разделяемого участниками некоторой сети интеллектуалов знания, выражающего желаемый образ и способ существования социальной реальности [Пушкарева, 2015:59].

Когнитивные структуры позволяют интериоризировать происходящие в социуме актуальные события, значимые для человека как представителя конкретной группы. При этом любая практическая реализация идей в общественной жизни сопрягается с необходимостью акторов и субъектов усваивать знания о наличной политико-правовой действительности, которая является главной детерминантой для осуществления преобразований в любой из сфер. Имеющаяся в распоряжении субъектов информация о политике и праве делает возможной и в последующем эффективной коммуникацию, позволяющую распространять необходимые смыслы среди многочисленных участников интеракций. Таким образом разворачивается система символической передачи информации, выраженная в совокупности символов и знаков, которые дают общие основания и способы трансляции знания. Интерпретация этих символов и знаков лежит в основе генезиса новых интеллектуальных конструктов и/или формирования нетривиальных идейных конфигураций и модификаций, которые впоследствии могут найти свое воплощение в форме социальных преобразований. Можно сказать, что когнитивные установки, участвуя в интерпретациях тех или иных идей, дают возможность упаковывать имиджи, ориентиры и ценности, которые были бы созвучны массовому сознанию – и несмотря на амбивалентные оценки практического осуществления социальных трансформаций, путь их реализации займет гораздо меньше времени.

Выделяется несколько видов когнитивных структур, которые участвуют в процессах интерпретации и реализации идей. Первые из них – это социальные образы как запечатленные в сознании представления конкретных объектов, с которыми связываются определенные поведенческие паттерны [Пушкарева, 2015]. Экспектации связываются с имеющимися у включенного во множественные интересубъективные взаимодействия индивида знаниями и формируют представления о желательном и должном социальном устройстве, конституируя приоритетные свойства конкретного образа. Руководство такими представлениями позволяет разделить социальные группы на «своих» и «чужих», тем самым отбирая необходимое содержание для продуцируемых идей. Вследствие этого идеи несут в себе основную траекторию преобразований, которые могут воплощаться как на внутренней

(ремоделирование социальных институтов, технико-технологическое развитие), так и на внешней арене (интеграция в наднациональные и международные структуры), категоризируя переустройство конкретного социума по самым различным основаниям.

Другой когнитивной структурой являются суммативные образы, выраженные в интериоризированных знаниях об обобщенных функциях и ролях, которые возложены на субъектов и выполняются ими. Соответствие дает возможность сформировать возможности выявления и проработки критериев оценки нормальности, правильности и точности исполнения определенных функций, нарушение которых влечет за собой либо негативные оценки в форме порицания, либо же предусмотренные санкции [Балева, 2020]. Такие критерии также закладываются в идейное содержание, задавая еще одно направление по преобразования социальной действительности, предлагая новые формы взаимодействия.

Третьим видом когнитивных структур являются сценарии типичных социальных ситуаций. Говоря о них, еще раз необходимо подчеркнуть, что необходимым условием их развертывания в окружающей действительности становятся процессуальные правила, регламентирующие и сообразующие поведение человека в зависимости от типа ситуации. Когнитивные основания предполагают знание, к примеру, о выборах в органы государственной власти, ведь именно соблюдение участниками актуальных процедур, закрепленных в нормативно-правовых актах содержит положения об их легитимности. Однако по мере их закономерного устаревания и/или же в условиях определенных ситуаций имеются идеи по поводу возможностей трансформации принципов проведения избирательного процесса. В современных условиях безусловную значимость приобрела борьба с распространением коронавирусной инфекции, которая позволила сформировать новые идеи, закрепленные в реализации свода нормативных правил по процедуре выборов. Возникает необходимость переосмысления принципов организации избирательного процесса, а порой и смены формата для обеспечения безопасности здоровья и жизни [Чехарина, 2020].

В заключение необходимо сказать, что данное исследование является отправной точкой, посвященной когнитивным установкам и ценностным ориентациям субъектов, реализующих идейную детерминацию социальных преобразований. сопряжена с произошедшим идеационным поворотом. Можно сказать, что именно когнитивные установки детерминируют способности субъектов схватить верный и правильный смысл, когда-то заложенный в идеи их теоретиками, а также скомбинировать его с содержанием других ментальных конструкторов и адаптировать под наличные контекстуальные реалии. Сегодняшняя прагматика, предъявляемая к социально-философским работам задает вполне очевидную панораму будущих исследований, а именно рассмотрение конкретных и наиболее контрастных примеров по реализации социальных идей на практике, но с анализом роли когнитивных установок и ценностных ориентаций субъектов и,

конечно же, последующих отклонений от первоначально заложенных в ментальные конструкции смыслов.

Список литературы

Анцыферова, 2004 – *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2004. 415 с.

Балева, 2020 – *Балева М.В.* Роль когнитивных факторов в восприятии искусственных социальных групп с разным уровнем социальной типичности // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 2. С. 90-107.

Иванова, 2014 – *Иванова Е.М.* Познавательная деятельность как основа социализации личности и профессионального самоопределения // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 14-19.

Куделина, 2017 – *Куделина Е.А.* Новые тенденции в современном кинематографе // Власть. 2017. Т. 25. № 8. С. 206-208.

Межевникова, Ухина, 2020 – *Межевникова О.П., Ухина Т.В.* Виртуализация социальных институтов // Сервис plus. 2020. Т. 14. № 1. С. 41-48.

Мертон, 2006 – *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. – 873 с.

Новикова, 2015 – *Новикова О.Н.* ООН и права женщин в Афганистане // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 3. С. 183-207.

Погудина, 2019 – *Погудина Т.В.* Безобразное как предмет искусства // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 94-103.

Погудина, 2017 – *Погудина Т.В.* Проблема ценностного мира в философии Н.О. Лосского (история и современность) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 127-135.

Пушкарёва, 2015 – *Пушкарёва Г.В.* Когнитивные механизмы конструирования политической реальности // Политические исследования. 2015. №1. С. 55-70.

Равочкин, 2021 – *Равочкин Н.Н.* Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты: монография. Кемерово: КузГТУ, 2021. 258 с.

Рева, Цергой, 2018 – *Рева Г.В., Цергой Т.А.* Эстетизация безобразного в искусстве // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 1 (212). С. 213-219.

Чехарина, 2020 – *Чехарина В.И.* О специфике организации и проведения выборов во время пандемии COVID-19 (некоторые вопросы) // Политика и общество. 2020. № 4. С. 19-38.

Шебанов, 2020 – *Шебанов Л.В.* Познавательная субъектность: психологический взгляд на эпистемологический анализ деятельно—

преобразующего способа бытия // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. Т. 8. № 5. С. 22.

Щербакова, 2013 – Щербакова В.П. Трансформации ценностных ориентаций молодежи как показатель ее социальной адаптации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 220-230.

Ancyferova L.I. Razvitie lichnosti i problemy gerontopsihologii. M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 2004. 415 s.

Baleva M.V. Rol' kognitivnykh faktorov v vospriyatii iskusstvennykh social'nykh grupp s raznym urovnem social'noj tipichnosti // Eksperimental'naya psihologiya. 2020. Т. 13. № 2. S. 90-107.

Ivanova E.M. Poznavatel'naya deyatel'nost' kak osnova socializacii lichnosti i professional'nogo samoopredeleniya // Psihologiya v ekonomike i upravlenii. 2014. № 1. S. 14-19.

Kudelina E.A. Novye tendencii v sovremennom kinematografe // Vlast'. 2017. Т. 25. № 8. S. 206-208.

Mezhevnikova O.P., Uhina T.V. Virtualizaciya social'nykh institutov // Servis plus. 2020. Т. 14. № 1. S. 41-48.

Merton R. Social'naya teoriya i social'naya struktura. M.: AST, 2006. 873 s.

Novikova O.N. OON i prava zhenshchin v Afganistane // Aktual'nye problemy Evropy. 2015. № 3. S. 183-207.

Pogudina T.V. Bezobraznoe kak predmet iskusstva // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. № 1. S. 94-103.

Pogudina T.V. Problema cennostnogo mira v filosofii N.O. Losskog (istoriya i sovremennost') // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. № 1. S. 127-135.

Pushkareva G.V. Kognitivnye mekhanizmy konstruirovaniya politicheskoy real'nosti // Politicheskie issledovaniya. 2015. №1. S. 55 – 70.

Ravochkin N.N. Rol' idej v stanovlenii i transformacii politiko-pravovykh institutov: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty: monografiya. Kemerovo: KuzGTU, 2021. 258 s.

Reva G.V., Cergoj T.A. Estetizaciya bezobraznogo v iskusstve // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvedenie. 2018. № 1 (212). S. 213-219.

Chekharina V.I. O specifikе organizacii i provedeniya vyborov vo vremya pandemii COVID-19 (nekotorye voprosy) // Politika i obshchestvo. 2020. № 4. S. 19-38.

Shebanov L.V. Poznavatel'naya sub"ektnost': psihologicheskij vzglyad na epistemologicheskij analiz deyatel'no—preobrazuyushchego sposoba bytiya // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. 2020. Т. 8. № 5. S. 22.

Shcherbakova V.P. Transformacii cennostnykh orientacij molodezhi kak pokazatel' ee social'noj adaptacii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2013. № 3-1. S. 220-230.